

СТРАШНЫЙ СУД
пЯТЬ РЕК ЖИЗНИ
БОГ Х.

ЕРОФЕЕВ ВИКТОР

СТРАШНЫЙ СУД
пЯТЬ РЕК ЖИЗНИ
БОГ Х.

РИПОД
КЛАССИК

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Е78

Ерофеев, В. В.

Е78 Страшный суд. Пять рек жизни. Бог Х. / В. В. Ерофеев. — М. : РИПОЛ классик, 2018. — 704 с.

ISBN 978-5-519-64298-9

Виктор Ерофеев — автор и ведущий программы «Апокриф» на телеканале «Культура», лауреат премии Владимира Набокова, кавалер французского Ордена литературы и искусства, член Русского ПЕН-центра.

В новый том собрания сочинений Виктора Ерофеева вошли сборники рассказов и эссе «Страшный суд», «Пять рек жизни» и «Бог Х.». Написанные в разные годы, эти язвительные, а порой очень горькие миниатюры дают панорамный охват жизни нашей страны. Жизни, в которой главные слова — о женщинах, Сталине, водке, красоте, о нас самих — до сих пор не сказаны.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-519-64298-9

© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2011

Страшный суд

Мы жили славно, как полные свиньи. Махало кадило. В красивых пасхальных яйцах завелись короткие черви. Тянуло сдаться. По ночам замученной женщиной всхлипывала черная сероводородная вода, маня и пугая, которые к нам, заплетающиеся, бородатые, изможденные, неподкупные, неопрятные, жалкие серьги, со спущенными, внимали. Подтирки порванные, веночки, кружки, до утра, и снова до вечера, под столом на кухне, наизусть, до одури, со звездочкой на щеке, щекастые, лиловые, наглеющие, заношенные на подмышках, сколько их? не счесть, длинных и стриженных, крашенных, некрашенных, прямых, попискивающих, подозрительных, вопросительных.

И эта жирная московская пыль на подоконниках, кофейная гуща, сползающая в раковину, и тополиный пух на полу круглый год. Он сбивался в пережати-поле, его поджигали, иногда пользовались как ватой. Окурков млечный путь (в дальние комнаты мы ни-ни, не заглядывали) разлагался мясом и колбасой, цветами, рыбой, диковинными паштетами, помидорами, битыми рюмками в помойном ве-

дре. Юркие мыши охотно дошли от прикосновения веника. В синих цветах вырви-глаз наши стены. Паркетины вздыбились, валялись обломки Манхэттена. Когда засор перебрасывался в уборную, всплывали плакаты, предметы, изделия, как-то: длинная дохлая кошка, неведомо кем и когда умерщвленная. Мы стояли над ней. Мы ее выловили. Как тебя, детка, звали? Мы даже не знали, что делать. Мы. Она еще не полностью протухла (хотя почти что с оторванной головой, по-актерски ослабившаяся): вступить в любовные отношения? спать — да? — как с талисманом? распять? захоронить? оживить? воспеть? Нам, легкокрылым, казалось, что будущее кошки, не замусоленное прошлым, принадлежит нам. Мы принялись ее жарить на постном масле, что было тогда в новинку, забросав сковороду чугунными утюгами, готовые к подвигу, задумавшиеся.

Что убирать нельзя, что будет только хуже, что надо ждать, само собой все расчистится. В немые окна садилось осеннее солнце, когда вошла Ирма, нелепый ступок долженствования, взявшийся за пылесос. Он сделал свое потрясающее открытие, которое теперь сравнивают с Ньютоном, Коперником — нет! — с ума сошли люди — он ненавидел пылесосить — мне звук не нравится — говорил он — но бдительность еще не покинула русскую совесть — на Украине тоже не все «за» — он дал, согласен, для этого повод, можно сказать, на моих глазах — он изменил систему позитивностей во всем объеме — во всяком случае, дверь в ванную была не заперта — он не любил запираяться — эта привычка меня бесила — откроешь дверь — там он — извинишься — откроешь — он снова — опять — до бесконечности — о том, что его открытие можно будет обнародовать на родине при нашей жизни, речи не шло — но мне хотелось бы разобраться скорее в морфологии, чем в обстоятельствах — невольно сбиваюсь, принимая значение детали — он обладал чертой, присущей многим русским интеллигентам — он был отвратительно нечистоплотен и до безумия брезглив — ему ничего не стои-

ло искалечить или даже убить человека и заснуть сном праведника — проспять до полудня, до двух, до трех — слоняться в халате — он мог схватить из раковины сковородку, обляпанную яичницей — и без особой злобы убить — он этого не делал — насколько я знаю — в нем была беззастенчивая трусость, продукт природной *недо-воплощенности* — с одной стороны, он ничего не желал — не хочется — с другой, хотел все — вынь да положь! — и не то, что он стал знаменит и зазнался — я на это смотрю как на некоторое *вырождение* человечества — *юманитэ* — по его глумливым словам — с подмигиванием и подергиванием щеки — пухлый *чувственный* рот — нет — скорее *порочный*, по решительному определению его собственной мамочки — порой мне кажется: это я как-то в пьяном угаре подкинул ему идею — ленясь сформулировать — похмелье, как барышня, склонно к забывчивости — но я тоже не потерял бдительности — нас развело по разным углам — была секунда — когда — он был тогда под душем — в резиновых сапогах — от брезгливости — Жуков! — я не шел — Жуков!!! — я просунул голову — ну? — смотри, *что* я нашел! — я заглянул в ржавую мыльную ванну — что стало с привычной конфигурацией? — чего? — на стыке XIX и XX веков началось всеобщее размягчение материи — мне хотелось сказать ему: — это я тебе, дураку, неделю назад — в пьяном угаре — помнишь? — но вместо того, не отдавая себе отчета в последствиях — не предвидя их — когда он мне сказал, я загоготал — он тоже заржал вслед за мной — голый — в сапогах — под душем — с припухшим хуем — с поджарыми яйцами — которые так полюбились Саре — она-то, видно, знала в яйцах толк — в его карих глазах стояло бешенство откровения — невразумительные такие глазки — волосатые ноздри раздулись — разжижение личности унизило разум — он трясся от хохота — анализ раскрыл связь — он шлепал себя по ляжкам — подпрыгивал — Век Пизды! — возвестил он — я судорожно сглотнул — Жуков! ангел мой! — Век Пизды! — он вырвал шаткую стойку

душа из кафельной стены — резко направил струю — я захлебнулся — закашлялся — струя сбила меня с ног — я головой ударился об унитаз — ушиб копчик — тяжелый флакон одеколона разбился об пол — мне стало и больно, и смешно — кончай! — в ответ он до предела раскрутил кран горячей воды — он окатил меня крутым кипятком — я взвыл — задержался — брюки обжигаяще прилипли к ногам — я защищал глаза ладонями — он поливал — я полз на коленях в угол ванной — по осколкам флакона — распорол локоть — пошла кровь — я поднял волосатые ошпаренные руки — Век Пизды — я малодушно признал его правоту — в банном густом тумане — в одеколонных парах — он удовлетворенно облизнулся и выключил воду — полотенце! — потребовал он — XX веку было найдено определение.

Что есть Вселенский потоп? — катаклизм мирового значения, когда гибнет все живое или сохраняется лишь его минимум — минимум, Жуков! — я смотрел на него охлажденно — после всех этих лет он изменился — успех и Запад научили его мягкой повелительности — минимум, необходимый впоследствии для возрождения жизни на Земле — вот основная схема: — Бог насыляет на людей потоп в наказание за плохое поведение, нарушение табу, убийство животных и т. п. или *без особой причины* — последнее особенно заманчиво — хохотнул Сисин — хочешь выпить? — я напрягся — так русский не спрашивает русского — не те интонации — не откажусь — я слегка поджал губы — некоторые люди — обычно, праведники — заранее извещенные о потопе — принимают меры к спасению: — строят корабль (ковчег, плот, лодку, аэроплан) или укрываются от опасности на горе, высоком дереве, на плавающем острове, на панцире черепахи, на крабе, в большой тыкве или скорлупе кокосового ореха — ливень, приводящий к потопу, продолжается в течение сакрально отмеченного периода времени — семь дней — сорок — полгода — в ряде случаев, как у индейцев тоба, потоп объ-